

УДК 32

К вопросу о понятии военно-технического сотрудничества РФ и аспектов его осуществления в условиях геостратегического противоборства

Кашлаков Артем Михайлович

Аспирант,
Институт права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 84;
e-mail: Artem_Kashlakov@mail.ru

Аннотация

В публикации рассматриваются теоретико-методологические аспекты, связанные с понятием и сущностью военно-технического сотрудничества РФ и проблематикой его осуществления в условиях геостратегического противоборства. Цель исследования – выделить понятие ВТС и уточнить аспекты его осуществления в актуальных геополитических условиях. Задачи исследования: рассмотреть понятие ВТС, раскрыть особенности ВТС России в актуальных траекториях геостратегического противоборства; оценить влияние санкций на состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами. Уточняется содержание категории геостратегического противоборства и обозначаются его основные контуры. Отмечается, что санкционный режим и беспрецедентная политика по фактическому выдавливанию России с мировых рынков вооружений, проводимая США и союзниками, служит основанием для пересмотра «честной игры» как концепции, реализуемой Российской Федерацией на рынке вооружений. По результатам детального анализа последствий, причиняемых международными санкциями российским интересам в сфере военно-технического сотрудничества, делается вывод, что санкции оказывают двойственное воздействие: во-первых, снижают конкурентоспособность РФ и ее военной продукции на мировых рынках, в том числе, посредством повышения «токсичности» партнерских отношений с нашей страной; во-вторых, через установление прямых ограничений, связанных с ВТС с Российской Федерацией. В связи с изложенным, автор полагает, что стратегия военно-технического сотрудничества Российской Федерации должна быть уточнена и, при необходимости, пересмотрена, в том числе в части ухода от чисто технического аспекта военно-технического сотрудничества в сторону военно-политического сотрудничества.

Для цитирования в научных исследованиях

Кашлаков А.М. К вопросу о понятии военно-технического сотрудничества РФ и аспектов его осуществления в условиях геостратегического противоборства // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 6А. С. 32-41.

Ключевые слова

Военно-техническое сотрудничество, геостратегическое противоборство, мировой рынок вооружений, санкции, торговля оружием, продукция военного назначения, fair play на рынке вооружений.

Введение

Актуальность исследования связана с тем, что военно-техническое сотрудничество и экспорт вооружений всегда являлись одним из важнейших индикаторов геополитического влияния и внешнеполитическим инструментом ведущих стран мира.

Понятие ВТС, как одной из важнейших, стратегических сфер внешних сношений современного российского государства, находящейся на стыке военно-политических, геостратегических и экономических интересов, не могло не найти отражения в нормативно-правовых актах.

Основная часть

В ст. 54 Военной доктрины Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976), военно-техническое сотрудничество рассматривается, наряду с военно-политическим сотрудничеством, в качестве одного из двух направлений внешнего сотрудничества Российского государства с иностранными государствами, включая «международные, в том числе региональные, организации», по военной линии.

В упомянутой статье нормативно-правового акта также определяются и ключевые принципы такого сотрудничества: оно осуществляется, во-первых, «на основе внешнеполитической, экономической целесообразности», и, во-вторых, в строгом соответствии с действующим законодательством, включая международные договоры, заключенные нашей страной.

Нормативно-правовое определение ВТС было дано еще в конце 1990-х годов и приводится в ст. 1 Федерального закона РФ от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» в редакции, вплоть до настоящего времени не претерпевшей изменений: «военно-техническое сотрудничество – деятельность в области международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с разработкой и производством продукции военного назначения».

При этом под продукцией военного назначения (ПВН) в тексте упомянутой статьи относятся: «вооружение, военная техника, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность) и информация в военно-технической области, за исключением информации, которая может быть опубликована в соответствии с законодательством Российской Федерации в средствах массовой информации, произведениях науки, литературы и искусства, рекламных материалах».

Определения военно-технического сотрудничества активно разрабатывались и теоретиками в сфере военной экономики и смежных дисциплинах.

Традиционно, объектом ВТС рассматривается продукция военного назначения (ПВН), прежде всего, вооружения и военная техника (ВиВТ) [Чемезов, 2010], хотя на практике его

сфера несколько шире, и включает, в частности, сотрудничество в сфере разработок ВиВТ, что, в целом, находит отражение в приведенном выше нормативном определении.

Отдельные отечественные авторы, несмотря на наличие нормативного определения, предприняли предоставить наиболее полную дефиницию ВТС.

В.В. Кудашкин, комментируя законодательство РФ о ВТС, предлагает рассматривать ВТС в узком и широком смысле:

- в узком, как «совокупность общественных отношений между государствами, иностранными и российскими юридическими лицами по продвижению и реализации вооружения и военной техники на мировом рынке»;

- в широком, как «деятельность государства и уполномоченных органов, направленная на управление общественными отношениями по продвижению российского вооружения и военной техники на мировой рынок оружия и установление устойчивых и длительных связей с иностранными государствами в области международного обмена продукцией военного назначения в целях обеспечения национальных интересов и соблюдения международных обязательств Российской Федерации» [Кудашкин, 2002, 36].

Данные определения отражают, прежде всего, юридическое содержание ВТС, в то же время, ВТС имеет ярко выраженную экономическую составляющую, и для целого ряда субъектов речь идет о вполне целенаправленной коммерческой деятельности, что, как думается, должно быть отражено в определении изучаемой категории.

А.В. Колесников дает следующее определение ВТС: «это особая форма деятельности государства, уполномоченных органов, хозяйствующих субъектов связанная с разработкой, производством и продвижением товаров и услуг военного назначения на мировом рынке в коммерческих и политических интересах» [Колесников, 2004, 9]. Цитируемый автор обращает внимание на такие ключевые, по его мнению, характеристики ВТС, как устойчивый и межгосударственный характер (при этом, констатируя, что многие авторы упускают соответствующие сущностные аспекты из виду при разработке исследуемой категории), однако в собственном определении ВТС соответствующие характеристики, как мы можем констатировать, не отражает.

По мнению В.И. Бочарникова, ВТС «представляет собой особый вид межгосударственного взаимодействия по поводу производства и реализации продукции военного назначения, а также оказания военно-технических услуг в интересах формирования благоприятных военно-политических и военно-экономических условий безопасного развития Российского государства и общества» [Бочарников, 2009, 13]. Данное определение представляется весьма примечательным с позиций верного, на наш взгляд, акцентирования внимания на аспекте взаимосвязи ВТС с интересами обеспечения национальной безопасности. Однако, как следует из описанных выше целей ВТС, напрямую установленных в Законе, и как будет неоднократно подтверждено далее в настоящей работе, данными интересами ВТС России с иностранными государствами, безусловно, не ограничивается. Кроме того, приведенное определение не рассматривает в качестве ВТС деятельность, связанную с разработкой ПВС, что приводит к необоснованному, на наш взгляд, сужению содержания ВТС.

Наконец, по мнению В.В. Матвеева, ВТС – это «функция управления государством внешнеэкономической деятельностью российских юридических лиц в отношении продукции военного назначения, направленная на продвижение российского вооружения и военной техники на мировой рынок, с целью достижения долгосрочных экономических и политических национальных интересов по осуществлению масштабных программ сотрудничества и развития

промышленной базы в целом» [Матвеев, 2007, 9]. Данное определение, весьма удачно, на наш взгляд, акцентирующее внимание на сочетании политических и экономических интересов в ВТС, как думается, излишне акцентирует значимость целей реализации масштабных программ сотрудничества и, тем более, развития промышленной базы (тем более, применительно конкретно к ВТС, осуществляемого Российской Федерацией).

Проанализировав приведенные определения и соотнеся их с нормативной дефиницией ВТС, представляется целесообразным дать определение ВТС Российской Федерации, как деятельность Российского государства в лице уполномоченных субъектов по взаимодействию с иностранными государствами, включая международные, в том числе региональные, организации, в сфере разработки, производства, закупки и реализации продукции военного назначения в интересах обеспечения национальных экономических и политических интересов в условиях геостратегического противоборства.

Состояние и перспективы ВТС России, безусловно, детерминируются актуальными траекториями геостратегического противоборства.

История человечества говорит о том, что борьба, вначале за локальные, а затем и за глобальные позиции, является перманентной, несмотря на возможную смену акторов, их позиций, расстановки сил и т.п., следовательно, говоря о геостратегическом противоборстве, речь ведется о перманентном активном противостоянии стран (групп стран), направленном на достижение и/или защиту стратегических позиций в системе глобального мироустройства, утверждение своего места в существующем миропорядке. В современных условиях, участниками подобного противоборства выступают многие суверенные государства, а также, по сути, все межгосударственные интеграционные и координационные образования, – каждый суверенный актор внешней политики, или же его представитель, обладает собственной позицией по поводу места и роли государства (группировки государств, межгосударственного объединения) в существующем миропорядке, а также по поводу его (миропорядка) организации и конфигурации.

Контуры геостратегического противоборства в XXI веке, в целом, таковы:

- формирование «однополярного» мира с геостратегическим доминированием США и стран НАТО;

- игнорирование интересов крупнейших государств из числа формирующихся рынков (включая КНР и Россию) в глобальном стратегическом развитии;

- активное и, в целом, безуспешное противостояние «однополярного мира» деструктивным силам (радикальный исламизм), пытающимся не просто обозначить собственные интересы в глобальном устройстве, но и кардинально трансформировать его в соответствии со своим пониманием и религиозно-политическими воззрениями.

Данные контуры представляется целесообразным дополнить актуальными тенденциями и направлениями геостратегического противоборства в текущий момент:

- регионализация противоборства (ключевые акторы геополитики осуществляют борьбу за обеспечение собственных позиций в конкретных регионах, со значительным интересом к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), Ближнему Востоку, постсоветскому пространству;

- стремление США к максимальному подавлению геополитических конкурентов, стремящихся к установлению многополярного мира, включая собственных союзников по НАТО из числа стран ЕС путем взаимопонимания и взаимодействия

Данные условия, безусловно, оказывают влияние на ВТС с участием Российской Федерации.

Следует отметить, что на рубеже веков наметилась тенденция к восстановлению роли российского государства на мировых рынках вооружений, на определенный период нивелированной негативными последствиями распада СССР и значительной утратой стратегического вектора развития ОПК и его экспортного потенциала.

На протяжении 2000-начала 2010-х годов наблюдается заметная активизация ВТС Российской Федерации, страна возвращает себе лидирующие позиции на глобальных рынках ВиВТ, на которых разделяет лидерство с США вплоть до настоящего момента, хотя – как будет показано далее – с существенно растущими рисками в связи с многочисленными негативными воздействиями из внешней среды.

В числе крупнейших покупателей российского вооружения - Индия, Китай, Вьетнам, Алжир. В 2010-е годы появились новые партнеры, с которыми военно-техническое сотрудничество не велось, либо было прервано после распада СССР - в том числе Бангладеш, Непал, Никарагуа, Нигерия, Руанда, Таиланд, Танзания, Мьянма, Шри-Ланка [Трофимова, 2017].

Важно понимать, что с начала 1990-х и до начала 2000-х годов военно-техническое сотрудничество, как известно, преимущественно было и рассматривалось в качестве дополнительной статьи экспортных доходов и едва ли не единственного способа поддержки отечественной оборонной промышленности в условиях минимизации государственного оборонного заказа. Следует согласиться с мнением А. Хетагурова о том, что в качестве инструмента геополитического влияния военно-технологическое сотрудничество Россией в тот период практически не использовалось [Хетагуров, www]. К началу 2000-х гг. стабилизация макроэкономических процессов в российской экономике и растущий потенциал пережившего «нулевую точку» отечественного оборонно-промышленного комплекса, на фоне роста геополитического влияния в мире, вновь позволили использовать военно-техническое сотрудничество не только в качестве ресурса экспортной поддержки отечественного ОПК и важной статьи валютных поступлений, но и в качестве инструмента достижения геополитических и геостратегических целей. В то же время, в практическом плане факт поставок Российской Федерацией вооружений и военной техники конкретным государствам, несмотря на законодательно декларируемую норму, как правило, не имеет декларируемого геополитического подтекста и никогда не используется в качестве инструмента ультимативного давления на страну-клиента и третьей страны.

Как справедливо в этой связи отмечает А. Хетагуров, в части прозрачности и предсказуемости условий для клиентов, российские подходы, пожалуй, являются, примером “fair play” в сфере военно-технического сотрудничества и мировой геополитике. В части ограничительных условий Россия оперирует международными категориями ограничения оборота конкретных систем вооружений и приемлемости поставок вооружений вообще конкретным странам-реципиентам, находящимся в состоянии войны, подпадающим под международные санкции и т.п. Российские партнеры и потенциальные интересанты в сфере ВТС и номинально и фактически ограничиваемы исключительно в доступе к системам ВВТ, не вписывающимся в стандарты международных ограничительных договоров (по нераспространению ракетных технологий, неконвенционального оружия и пр.).

Стратегия “fair play” (честной игры), как думается, выступает важной характеристикой стратегии ВТС, реализуемой РФ вплоть до последнего времени. Она заключается в стремлении максимально коммерциализировать ВТС со странами «дальнего окружения», в отказе в большинстве случаев от навязывания политической воли в связи с осуществляемым

сотрудничеством, обеспечении стабильности и предсказуемости условий ВТС и общем отказе от избирательной политики в данной сфере.

К необходимости частичного отхода от стратегии «честной игры» в сфере ВТС, безусловно, Россию подталкивает режим западных санкций, очевидным образом посягающим на условия осуществления ВТС и ограничивающим возможности нашей страны как честного игрока на мировых рынках ВиВТ.

Говоря о влиянии санкций на ВТС России, прежде всего, представляется целесообразным разграничить два аспекта воздействия.

Первым аспектом выступает общее негативное влияние санкций на международную конкурентоспособность РФ и российской военной промышленности (то есть воздействие, не направленное напрямую на подрыв конкурентоспособности российского ОПК, включая непосредственные ограничения и запреты ВТС или контакты с предприятиями ОПК России). Данное влияние проявляется двояко: через ослабление российской экономики в целом и оборонно-промышленного комплекса частности, как ее неотъемлемой составляющей; а также через усиление «токсичности» любого рода партнерских отношений с Российской Федерацией.

Именно термин «токсичность» (англ. “toxicity”), как представляется, наиболее удачным образом характеризует то весьма нежелательное состояние партнеров нашей страны, на обретение которого в известной мере нацелены западные санкции; в упомянутом контексте, данный термин используется и в западной исследовательской среде, и среди политического истеблишмента [Gordon, 2016].

«Токсичность» от сотрудничества зарубежных государств с Российской Федерацией проявляется как в негативном международном восприятии соответствующих контактов, так и в том, что оппозиционные политические силы стран-партнеров РФ получают обширные возможности жестко критиковать действующее правительство за связи с Россией, тем самым, ставя национальное правительство перед выбором приоритетов – сохранения стабильности собственной власти или же поддержание партнерства с нашей страной.

Второй аспект влияния санкций на ВТС России – прямые ограничения, вводимые в связи с секторальными санкциями против конкретных предприятий ОПК. Данные ограничения до недавнего времени касались в первую очередь запретов на финансирование конкретных предприятий банками стран – инициаторов санкционного режима.

Суммарное воздействие санкций на состояние и перспективы ВТС России, безусловно, требует оценки. Поскольку в настоящее время сведения о ВТС России официально не публикуются, как относимые к государственной тайне, соответствующие данные могут быть получены из иных источников, включая авторитетные отчеты Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI). При этом представляется важным оговориться, что релевантность соответствующих статистических данных не может не подвергаться известным сомнениям.

Как следует из опубликованных 12 марта 2018 года данных о поставках оружия, за последние пять лет доля российского экспорта на глобальном рынке вооружений сократилась, что вполне допустимо увязывать с санкциями как с одним из важнейших факторов негативного воздействия.

Так, на долю США и РФ в 2013-2017 гг. приходилось 56% всей международной торговли ВиВТ. В целом, глобальные продажи вооружений растут с начала 2000-х годов, в 2013–2017 годах по сравнению с 2008–2012 годами продажи выросли на 10%. При этом рост наблюдается в Азии и Океании, а сокращение – в Африке, Северной и Южной Америках, Европе.

При этом доля России в торговле вооружениями в 2013-2017 годах сократилась по сравнению с 2008–2012 годами на 7,1% и составила 22%. В частности, меньшие объемы российского экспорта ВиВТ наблюдались в ВТС с такими зарубежными партнерами как Китай, Алжир, Венесуэла. В 2013-2017 гг., по данным SIPRI, ВиВТ российского производства покупали 47 стран, лидеры – Индия (35%), Китай (12%) и Вьетнам (10%). 66% поставок пришлось на Азию и Океанию, 13% – на Африку, 11% – на Ближний Восток, 6,25% – на Европу и 4,2% – на Южную Америку.

Доля США в торговле вооружениями – 34%, в 2013–2017 годах продажи выросли по сравнению с 2008–2012 годами. Покупали американские вооружения 98 стран, 49% поставок пошли на Ближний Восток. По мнению экспертов SIPRI, ожидается сохранение США лидерства в международной торговле оружием¹.

Другим косвенным проявлением влияния санкций на ВТС России выступает значительное падение рентабельности российских оборонных предприятий, наблюдаемое SIPRI [Самофалова, www], которое общими экономическими проблемами, связанными с санкциями, в сочетании с затруднениями заключать контракты на поставку ВиВТ на максимально выгодных с коммерческой точки зрения условиях, – многие из партнеров, ссылаясь на санкции (безотносительно реальности опасений или использования аргумента «токсичности» ВТС с Россией в торге) добиваются значительных уступок в условиях контрактов, прежде всего, ценовых. В целом, речь, безусловно, идет о растущих затруднениях в осуществлении ВТС, связанных, прямо или косвенно, с антироссийскими санкциями.

Наличие соответствующих затруднений в осуществлении ВТС, связанных с зарубежными санкциями признается и на уровне руководителей ключевых субъектов сотрудничества, в частности, директором Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) Д. Шугаевым. Речь в данном случае ведется как раз о «токсичности» в двустороннем сотрудничестве, формируемой и поддерживаемой режимом антироссийских санкций.

Усугубляет, на наш взгляд, ситуацию то обстоятельство, что наряду с косвенным давлением на ВТС нашей страны через санкции, противодействующие стороны пытаются оказывать прямое давление на отдельных партнеров, причем активизация такого давления первоначально сочеталась с применением экономических санкций «общего» характера.

Усиление как прямого, так и косвенного давления на ВТС нашей страны отмечается с принятием США в августе 2017 г. закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций»² (CAATSA) и – в октябре того же года – списка предприятий российского ОПК, сотрудничество с которыми, при условии введения санкций, грозит ответными санкциями со стороны США.

По большому счету, до принятия упомянутого нормативного акта, применение антироссийских санкций как непосредственного инструмента «выдавливания» Российской Федерации с мировых рынков ВиВТ не рассматривалось. Новый виток санкционного давления на нашу страну справедливо увязывать с политикой «эгоистического прагматизма» администрации нового Президента США Д.Трампа, основной смысл которой заключается в том, что помимо общего нивелирования геостратегических позиций той или иной страны, в

¹ SIPRI: Увеличение объема импорта вооружений обусловлено растущими поставками в Азию и на Ближний Восток. США значительно увеличивают экспорт оружия. Press release EMBARGO. 12 March 2018.

² Countering America's Adversaries Through Sanctions Act («О противодействии противникам Америки посредством санкций»; H.R. 3364, Pub.L. 115-44).

частности, Российской Федерации, санкции направляются на решение вполне утилитарных конъюнктурных задач по устранению конкурентов на ключевых мировых рынках, включая рынки ВнВТ.

В этой связи, актуализируется проблематика трансформации стратегического подхода к ВТС России, в том числе, по региональным и страновым направлениям.

Действия США, направленные на окончательный подрыв баланса сил и интересов в современном мире, включая одновременное масштабное противодействие интеграционным процессам в ЕС (или, точнее, содействие дезинтеграции на общеевропейском пространстве) предопределяют необходимость оказания системного, комплексного противодействия.

Заключение

По результатам проведенного исследования представляется целесообразным констатировать, что в контексте актуальных деструктивных трансформаций в сфере геостратегического противоборства, а также с учетом возможности оперативной корректировки приоритетных направлений ВТС, подтвержденной, в том числе, в ключевых установках действующей Военной доктрины РФ, стратегия военно-технического сотрудничества Российской Федерации, в том числе по региональным направлениям, должна быть уточнена и – при необходимости – пересмотрена, в первую очередь, с учетом западных ограничительных мер, в особенности – американского закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» и связанных с ним действий по фактическому выдавливанию нашей страны с ключевых мировых рынков вооружений и военной техники.

Важным направлением корректировки стратегии выступает, в связи с этим уход от чисто технического аспекта военно-технического сотрудничества в сторону военно-политического сотрудничества РФ с зарубежными государствами в контексте внешней политики РФ.

Библиография

1. Белькевич А.А. Исследование мирового опыта применения экономических санкций во внешней политике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-1. С. 292-293.
2. Бочарников В.И. Военно-техническое сотрудничество и его влияние на обеспечение военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 24 с.
3. Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве. М.: Проспект, 2015. 179 с.
4. Кешнер М.В. Легитимность санкций в отношении Российской Федерации: международно-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 7 (223). С. 141-152.
5. Колесников А.В. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации в современных условиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. 22 с.
6. Кудашкин В.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». М.: Международные отношения, 2002. 653 с.
7. Матвеев В.В. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации со странами Африки: состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 23 с.
8. Трофимова Ю.В. Внешняя политика РФ в контексте нового мирового порядка. Нижний Новгород, 2017. 155 с.
9. Чемезов С.В. Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: опыт организационного проектирования. М., 2001. 139 с.
10. Anderson M.B. et al. Hard choices: moral dilemmas in humanitarian intervention. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 1998. 322 p.
11. Brauer J., Dunne P. Arms trade and economic development: theory, policy and cases in arms trade offsets. L.: Routledge, 2004. 352 p.
12. Cortright D. Economic sanctions: panacea or peacebuilding in a post-cold war world? L.: Routledge, 2018. 255 p.

13. Donaldson R.H., Donaldson J.A. The arms trade in Russian–Chinese relations: identity, domestic politics, and geopolitical positioning // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. №. 4. P. 709-732.
14. Feinstein A. *The shadow world: Inside the global arms trade*. L.: Macmillan, 2011. 737 p.
15. Gordon J. Economic sanctions as ‘negative development’: The case of Cuba // *Journal of International Development*. 2016. Vol. 28. №. 4. P. 473-484.
16. Pearson F.S. *The Global Spread of Arms: Political Economy of International Security*. L.: Routledge, 2018. 176 p.
17. Stohl R., Grillot S. The international arms trade // *Polity*. 2009. Vol. 7. P. 176.

To the question of the concept of military-technical cooperation of the Russian Federation and aspects of its implementation under the conditions of geostrategic confrontation

Artem M. Kashlakov

Postgraduate,
Institute of law and National Security,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 84, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Artem_Kashlakov@mail.ru

Abstract

The article deals with theoretical and methodological aspects related to the concept and essence of military-technical cooperation of the Russian Federation and the problems of its implementation in the context of geostrategic confrontation. The aim of the research is to highlight the concept of military technical cooperation and to clarify the aspects of its implementation under the current geopolitical conditions. It is noted that the sanctions regime and the unprecedented policy of de facto extrusion of Russia from the world arms markets, conducted by the United States and its allies, serve as a basis for revising “fair play” as a concept implemented by the Russian Federation in the arms market. It is concluded that sanctions have a dual effect: first, they reduce the competitiveness of the Russian Federation and its military products in world markets, “toxicity” of partnership with our country; secondly, through the establishment of direct restrictions related to military-technical cooperation with the Russian Federation. It is concluded that in recent years, there has likely been a reduction in the cost of Russian arms shipments to world markets, which may be a consequence “toxicity” in military-technical cooperation, generated by the sanctions policy of foreign states. The strategy of military-technical cooperation of the Russian Federation, including in the regional areas, should be clarified and, if necessary, revised, including with regard to the withdrawal from the purely technical aspect of military-technical cooperation towards military-political cooperation between the Russian Federation and foreign states in the context of Russia's foreign policy.

For citation

Kashlakov A.M. (2018) K voprosu o ponyatii voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva RF i aspektov ego osushchestvleniya v usloviyakh geostrategicheskogo protivoborstva [To the question of the concept of military-technical cooperation of the Russian Federation and aspects of its implementation under the conditions of geostrategic confrontation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (6A), pp. 32-41.

Keywords

Military-technical cooperation, geostrategic confrontation, the world arms market, sanctions, arms trade, military products, fair play in the arms market.

References

1. Anderson M.B. et al. (1998) *Hard choices: moral dilemmas in humanitarian intervention*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers.
2. Bel'kevich A.A. (2016) Issledovanie mirovogo opyta primeneniya ekonomicheskikh sanktsii vo vneshnei politike [A study of the world experience of applying economic sanctions in foreign policy]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Proc. of Tula State University. Economic and legal sciences], 1-1, pp. 292-293.
3. Bocharnikov V.I. (2009) *Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo i ego vliyanie na obespechenie voennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Military-technical cooperation and its influence on ensuring military security of the Russian Federation. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Brauer J., Dunne P. (2004) *Arms trade and economic development: theory, policy and cases in arms trade offsets*. L.: Routledge.
5. Chemezov S.V. (2001) *Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii s inostrannymi gosudarstvami: opyt organizatsionnogo proektirovaniya* [Military-technical cooperation between Russia and foreign countries: experience in organizational design]. Moscow.
6. Cortright D. (2018) *Economic sanctions: panacea or peacebuilding in a post-cold war world?* L.: Routledge.
7. Donaldson R.H., Donaldson J.A. (2003) The arms trade in Russian–Chinese relations: identity, domestic politics, and geopolitical positioning. *International Studies Quarterly*, 47, 4, pp. 709-732.
8. Feinstein A. (2011) *The shadow world: Inside the global arms trade*. L.: Macmillan.
9. Gordon J. (2016) Economic sanctions as 'negative development': The case of Cuba. *Journal of International Development*, 28, 4, pp. 473-484.
10. Keshner M.V. (2015) Legitimnost' sanktsii v otnoshenii Rossiiskoi Federatsii: mezhdunarodno-pravovoi analiz [Legitimacy of sanctions against the Russian Federation: international legal analysis]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 7 (223), pp. 141-152.
11. Keshner M.V. (2015) *Ekonomicheskie sanktsii v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Economic sanctions in modern international law]. Moscow: Prospekt Publ.
12. Kolesnikov A.V. (2004) *Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossiiskoi Federatsii v sovremennykh usloviyakh. Doct. Dis.* [Military-technical cooperation of the Russian Federation in modern conditions. Doct. Dis.]. Moscow.
13. Kudashkin V.V. (2002) Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federal'nomu zakonu «O voенно-tekhnicheskome sotrudnichestve Rossiiskoi Federatsii s inostrannymi gosudarstvami» [Scientific and practical commentary to the Federal Law "On military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states"]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
14. Matveev V.V. (2007) *Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossiiskoi Federatsii so stranami Afriki. Doct. Dis.* [Military-technical cooperation of the Russian Federation with African countries: state and prospects of development. Doct. Dis.]. Moscow.
15. Pearson F.S. (2018) *The Global Spread of Arms: Political Economy of International Security*. L.: Routledge.
16. Stohl R., Grillot S. (2009) The international arms trade. *Polity*, 7, p. 176.
17. Trofimova Yu.V. (2017) *Vneshnyaya politika RF v kontekste novogo mirovogo poryadka* [Foreign policy of the Russian Federation in the context of the new world order]. Nizhny Novgorod.